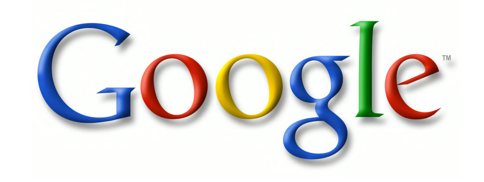

A 472284 DUPL

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817
LIBRARIES

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

1 9 0 5

Берегите книги!

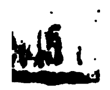
Не перегибайте книгу во время чтения.

Не загибайте углов.

Не делайте надписей на книге.

Не смачивайте пальцев слюною перелистывая книгу.

Завертывайте книгу в бумагу, когда идет дождь или снег.

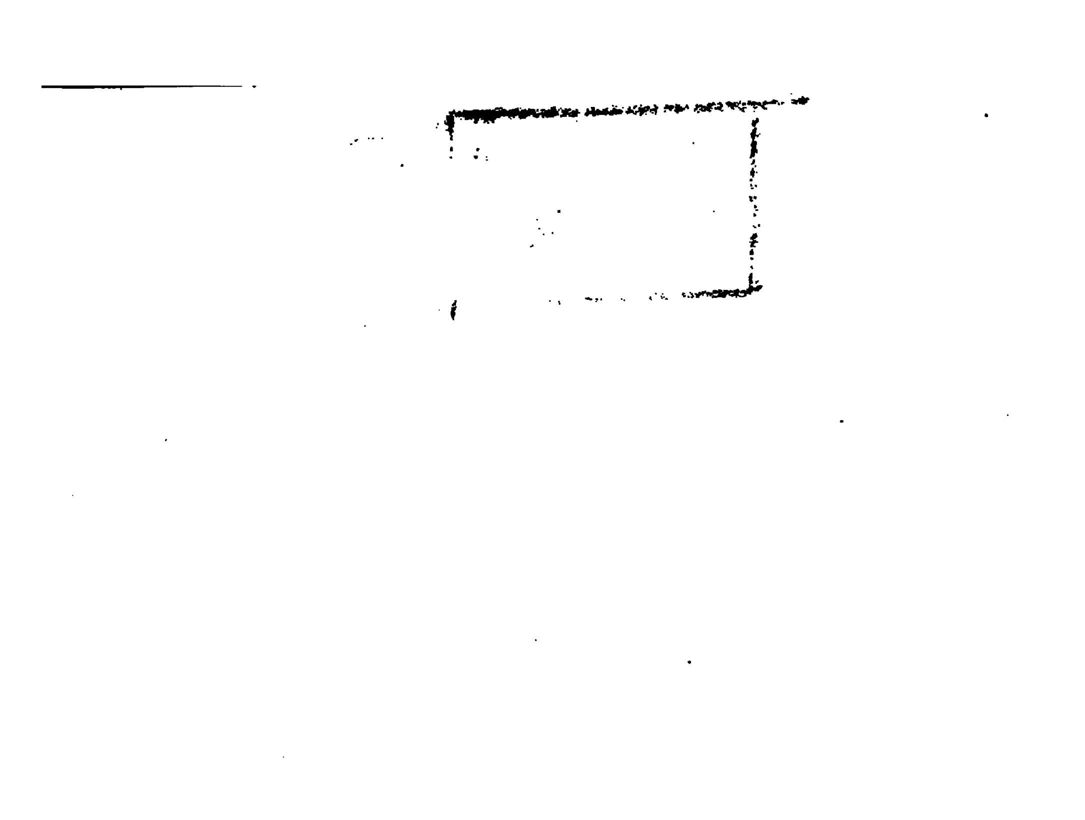
СЕРГѢЙ МАКОВСК

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

1 9 0 5

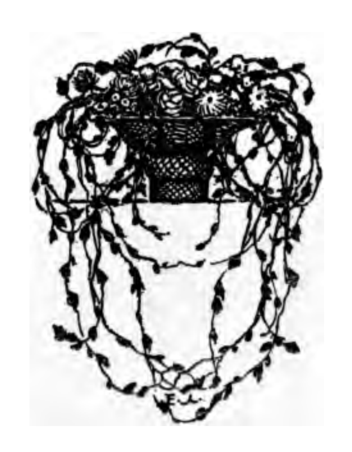
СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

СПБ. ПЕТЕРБУРГЪ. — 1905.

Дозв. ценз. Спб. 5 апрѣля 1905 г.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.

СОНЕТЫ
E.N.

СНѢГА

Мой скорбный духъ навѣки одинокъ,
какъ горный снѣгъ, какъ снѣгъ вершинъ безвѣстныхъ.
Но жжетъ снѣга огонь лучей небесныхъ:
горячій лучъ мое безмолвье жегъ,
и плакалъ я. И духъ мой съ горъ чудесныхъ
стремился внизъ, въ долины звучныхъ строкъ,
и замиралъ въ оковахъ ритмовъ тѣсныхъ,
какъ въ берегахъ низверженный потокъ.

О, если-бъ всѣ снѣга моихъ видѣній,
всѣ проблески разсвѣтныхъ озареній,
и всю печаль холодныхъ думъ моихъ —
я могъ излить въ одинъ потокъ созвучій,
въ одинъ сонетъ ласкательно-пѣвучій,
въ одну мольбу, въ одинъ могучій стихъ!

ПРИЗРАКИ

Бываетъ полумракъ задумчиво-лѣнивый...
Усталый лѣтній день давно-давно затихъ
и, призывая ночь, какъ путникъ молчаливый
груститъ. Но медлитъ тьма. И въ сумеркахъ нѣмыхъ
рождаются міры. И сердце чуетъ ихъ...

Тогда владѣютъ мной забытые порывы,
мнѣ снятся призраки, мнѣ слышатся призывы
невнятныхъ голосовъ, знакомыхъ и чужихъ.

Они поютъ душѣ о чемъ-то вѣчно-дальномъ,
о чемъ-то дорогомъ, безгрѣшномъ и печальномъ,
и волны смутныхъ думъ несутся имъ во слѣдъ.

Зачѣмъ? Для этихъ думъ и ббразовъ незримыхъ,
для этихъ полу-грёзъ, умомъ непостижимыхъ,
у сердца нѣтъ рѣчей, у пѣсни звуковъ нѣтъ.

ТѢНИ

Пѣвцу любви измѣна не страшна.
Ее въ груди не долго онъ хоронитъ,
и жалкихъ слёзъ, скорбя, онъ не уронитъ.
Иная скорбь судьбой ему дана.

Пускай душа обманутая стонетъ,
ревнивыхъ думъ и ужаса полна:
мигъ творчества тоску любви прогонитъ,
нездѣшнимъ сномъ замѣнится она.

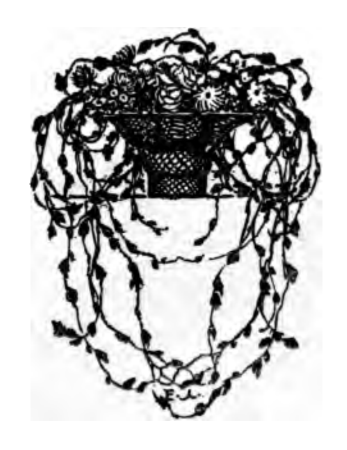
Тогда къ нему придутъ изъ отдаленій,
придутъ съ мольбой обманутыя тѣни.
И въ глубинѣ страданья своего
онъ не свои почувствуетъ страданья,
и зазвучатъ въ словахъ его признанья —
рыданья всѣхъ, любившихъ до него.

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

СПБ. ПЕТЕРБУРГЪ. — 1905.

ПРОМЕТЕЙ

Въ ущельѣ скалъ, среди угрюмыхъ горъ,
томился ты, страдалецъ дерзновенный.
Во тьмѣ вѣщалъ твой ужасъ вдохновенный,
и небесамъ грозилъ твой приговоръ.

Свершился рокъ. Онъ умеръ—Зевсъ надменный.
Ты побѣдилъ. Но отчего съ тѣхъ поръ
не легче намъ? Ужели твой позоръ
не искупилъ гордыни нашей плѣнной?

Повѣдай намъ, какихъ мы ждемъ чудесъ?
зачѣмъ глядимъ въ пустынный мракъ небесъ?

И ты солгалъ, титанъ богоподобный!
Мы не могли страданій превозмочь.
Вѣка прошли. Кругомъ все та-же ночь,
и мучитъ нашу грудь все тотъ-же коршунъ злобный.

НЕВѢДѢНЬЕ

Не спрашивай, о чемъ волна морская
поетъ, шумя на берегу нѣмомъ,
и отчего въ безмолвіи ночномъ
звѣзда небесъ горитъ, не угасая.

Не спрашивай. Люби, не понимая.
Любовь—печаль. Въ невѣдѣньи земномъ—
предчувствіе о вѣдѣньи иномъ,
въ земной тоскѣ—отрада неземная.

И если-бъ вѣдалъ ты, о чемъ волна
на берегу поетъ неутомимо,
и отчего звѣздами ночь хранима,
и если-бъ зналъ, зачѣмъ обречена
душа твоя въ невѣдѣньи томиться,
не могъ бы ты ни вѣрить, ни молиться.

НЕБО

Опять усталый блескъ лучистаго сафира
померкъ на небесахъ. Живую бездну міра
дыханье вѣчности разверзло надо мной.
И глубина моя со звѣздной глубиной
слилась въ одну печаль... О, страшный, храмъ эфира!
Пустынный омутъ тьмы! Къ тебѣ влекусь мечтой—
въ тиши моей поетъ о тайнѣ неземной
вселенской тишины таинственная лира.

Во всемъ—единый бредъ, единый мракъ—вездѣ.
Мнѣ жутко. Я молюсь. И отъ звѣзды къ звѣздѣ,
отъ солнца къ солнцу, въ высь, въ надмирные обрывы,
—туда, гдѣ нѣтъ ни звѣздъ, ни мрака, ничего,
стремятъ мой плѣнный духъ безмѣрные порывы...

О, Боже! Защити отъ неба Твоего.

МОЛИТВА

Ты—въ сумракѣ и въ блескѣ водъ зеркальныхъ;
ты—шелесть травъ и неба синева;
ты—пѣнье волнъ, всѣ звуки и слова
въ мелодіяхъ призывныхъ и печальныхъ.

Ты—смутный сонъ вѣковъ многострадальныхъ;
ты—явный свѣтъ и трепетъ волшебства.
Ты—грусть моя и жажда божества;
ты—призракъ мой въ просторахъ безначальныхъ.

Ты всѣхъ путей обманчивый конецъ,
и всѣхъ міровъ таинственный вѣнецъ.

Ты—творчество стихій неколебимыхъ;
ты въ хаосѣ блаженный произволъ,—
въ сердцахъ людей, невѣдѣньемъ томимыхъ,
изъ глубины невѣдомый глаголъ.

СКОРБЬ

Я скорби не боюсь, когда она ласкаетъ
напѣвами любви міры моихъ видѣній.
Я скорби не боюсь, когда она пылаетъ
живымъ огнемъ борьбы и гнѣвомъ разрушеній.

Страшитъ меня та скорбь, которая вползаетъ,
трусливою рабой въ тайникъ моихъ сомнѣній,
и тѣни мертвыя во mpакѣ созываетъ,
моихъ былыхъ надеждъ отверженныя тѣни.

Средь нихъ, вѣнецъ надѣвъ, царицей самозванной
становится она. И сны печали странной
трепещутъ передъ ней въ усиліи безплодномъ.

Такъ, осенью глухой на кладбищѣ холодномъ,
какъ души грѣшныя, надъ насыпью гробницы
безпомощно кружатъ испуганныя птицы.

ОТВѢТЪ

Любилъ-ли я? Мечтой завороженный
—узнавъ тебя, неравную другимъ—
я захотѣлъ быть геніемъ твоимъ,
художникомъ души твоей плѣненной.

Любилъ-ли я? Какъ мраморъ, покоренный
рѣзцомъ ваятеля, мольбамъ моимъ
ты отдалась, не отвѣчая имъ:
я создалъ статую изъ глыбы сонной.

Боготворя въ тебѣ мою мечту,
я воплотилъ въ твой образъ красоту,
я далъ тебѣ всѣ чары женской власти,
всю силу зла, все вдохновенье страсти...
Я былъ твой рабъ, твой царь и судія.
Я былъ судьбой твоей... Любилъ-ли я!

УЗНИКЪ

Онъ съ молоду одинъ въ темницѣ изнывалъ
и повторялъ судьбѣ напрасные укоры.
И блѣдный лучъ небесъ въ его окно сіялъ,
и грезились ему сквозь зыбкіе узоры—
далекія моря, лѣса, долины, горы...

Такъ годы шли... Но день, желанный день настал.
Предъ нимъ открылся міръ, свободу онъ узналъ
и путь направилъ свой въ манящіе просторы.

Всю жизнь извѣдалъ онъ, всѣмъ сердцемъ молодымъ
онъ счастье призывалъ, любилъ и былъ любимъ...

И вотъ груститъ онъ вновь, какъ прежде въ дни былые,
и грезится ему: рѣшетка, полутьма,
на каменныхъ стѣнахъ узоры золотые—
далекая навѣкъ, печальная тюрьма.

ПРЕДЧУВСТВІЕ

Еще темно, еще далекъ разсвѣтъ.
И жутко мнѣ, и голосъ мой нѣмѣетъ,
и мысль моя безславно цѣпенѣетъ
въ чаду земныхъ, неправедныхъ суетъ.

Но знаю я—стихія мной владѣетъ;
въ моей груди нездѣшній вѣтеръ вѣетъ;
меня томитъ невоплощенный бредъ,
и для него еще названья нѣтъ.

Настанетъ день. Душа порветъ оковы;
съ нея спадутъ тяжелые покровы —
грѣха и лжи презрѣнные дары.

Проснется богъ, и творческое слово,
какъ молнія мгновенья грозового,
сверкнетъ въ вѣкахъ и озаритъ міры.

ГОЛОСЪ

И голосъ мнѣ шепталъ: здѣсь сердцу нѣтъ пощады:
здѣсь гаситъ тишина невѣрныя лампады,
зажженныя мечтой во имя красоты;
здѣсь—холодомъ могилъ объятыя громады,
міровъ безчисленныхъ неясныя черты...

Здѣсь молкнутъ всѣ слова, и вянутъ всѣ цвѣты.
Предъ ужасомъ людей здѣсь рушатся преграды,
и мысли падаютъ въ обрывы пустоты.

Здѣсь бреды смутные изъ мрака возникаютъ;
какъ тысячи зеркалъ въ душѣ они мерцаютъ,
и въ нихъ мерещится загробное лицо
Непостижимаго... И скорбь земныхъ раздумій,
испуганная имъ, свивается въ кольцо,
у огненныхъ границъ познанья и безумій.

ТАЙНА

Мы говоримъ о чудесахъ незримыхъ,
мы призраковъ боимся въ часъ ночной...
Но чудо—здѣсь, но страшенъ свѣтъ дневной
знакомыхъ чаръ и óбразовъ любимыхъ.

Мы шепчемся о тайнѣ гробовой,
о небесахъ навѣкъ недостижимыхъ.
Но тайна—въ насъ, въ мелодіи земной,
въ доступности явленій ощутимыхъ.

Что знаемъ мы? что можемъ мы понять?
Вездѣ, на всемъ—единая печать,
живая тѣнь загадки вѣковѣчной.

И жизнь, и смерть таинственны равно,
и красота—лишь символъ безконечный
того, что намъ постигнуть не дано.

ВЕСЕЛЬЕ

Веселье! Странныя мгновенья,
обманчивый, неполный бредъ.
Въ тебѣ живетъ далекій слѣдъ
непостижимаго мученья.
Когда въ душѣ отравы нѣтъ,
когда, не помня прежнихъ бѣдъ,
она, въ порывѣ опьяненья,
ликуетъ вся—какія звенья
въ ея послѣдней глубинѣ
такъ безнадежно-больно рвутся?
Откуда эти слёзы льются?

Откуда вы, скажите мнѣ,
укоры тайнаго сомнѣнья?
Ужели нѣтъ самозабвенья!

ГОРОДЪ

Громадный городъ жилъ тревогою ночною.
Надъ нимъ въ протяжный гулъ смѣшались голоса.
Вокругъ былъ шумъ и блескъ. Серебряною мглою
отъ тысячи огней дымились небеса.

И только далеко, за темною Невою,
багровымъ заревомъ свѣтилась полоса:
тамъ уходилъ закатъ, тамъ жизнью намъ чужою
дышала вечера предсмертная краса.

О вечеръ! — думалъ я — надъ каменной громадой
зачѣмъ мерцаешь ты зловѣщею лампадой?
Въ забытыхъ небесахъ такъ холодно горя,
какое таинство свершаешь ты надъ нами?

Погасни, не гляди кровавыми очами,
заря далекая, зловѣщая заря...

СТАРЫЙ ХРАМЪ

Здѣсь было капище Венеры; смутный слѣдъ
его донынѣ живъ. Потомъ здѣсь готы были.
Но воины пустынь, арабы, ихъ смѣнили,
и сталъ мечетью храмъ на много, много лѣтъ.

И послѣ новыхъ битвъ кровавыхъ и побѣдъ,
вожди Испаніи невѣрныхъ оттѣснили.
Узорную мечеть они опустошили
и бронзовымъ крестомъ вѣнчали минаретъ.

О путникъ! ты глядишь на церковь христіанъ,
на прежнюю мечеть, на капище Венеры...
Какъ знать? Когда-нибудь, изъ незнакомыхъ странъ,
сюда опять придутъ народы чуждой вѣры.
Они сломаютъ крестъ завѣщанный вѣкамъ.
И возродится вновь все тотъ-же старый храмъ.

ВСТРѢЧА

Въ долинѣ тьмы бродили мы безъ цѣли
на берегахъ невѣдомой рѣки.
И отъ небесъ мы были далеки,
и о землѣ далекой не жалѣли.

На берегахъ цвѣты любви бѣлѣли.
Изъ тѣхъ цвѣтовъ сплетали мы вѣнки
и, въ тишинѣ, на волны мы глядѣли,
безмолствуя отъ счастья и тоски.

Потомъ былъ сонъ... Меня ты позабыла.
Земная жизнь насъ вновь разъединила;
между людей чужими стали мы.

Но смерть близка и близко пробужденье...
Иду, иду къ тебѣ мое видѣнье!
Мы встрѣтимся опять въ долинѣ тьмы.

СОВРЕМЕННИКУ

Безумцамъ новизны не вѣрь, поэтъ! Забудь
о новомъ. Всѣ творцы идутъ путемъ единымъ.
Отъ сердца глубины къ невѣдомымъ глубинамъ,
во имя вѣчнаго и къ вѣчному—тотъ путь.

Не бойся старыхъ словъ. Собой безстрашно будь.
И старые слова, сѣдымъ крыламъ орлинымъ
подобныя, взнесутъ тебя къ роднымъ вершинамъ;
ихъ царственный полётъ не можетъ обмануть.

Въ порывѣ—творчество. Ни мыслей устарѣлыхъ,
ни словъ отверженныхъ, ни чувствъ отжившихъ нѣтъ,
когда вѣщаетъ ихъ и вѣритъ имъ поэтъ.

Не чувства отжили, но въ душахъ омертвѣлыхъ,
въ сердцахъ, исполненныхъ гордыни и тоски,
изсякли вѣчныхъ чувствъ живые родники.

ВѢКА

Куда идете вы? Вѣковъ гряда нѣмая,
какъ цѣпь высокихъ горъ, какъ волнъ застывшихъ рядъ,
стоитъ недвижимо. А вы? Изнемогая
подъ бременемъ давно безжизненныхъ громадъ,
въ тоскѣ безсилія на небеса взирая,
вы чуда ждете... Нѣтъ! Небесъ не озарятъ
закатные лучи покинутаго рая,
поруганныхъ святынь они не оживятъ.

Вкругъ васъ—развалины, и долгій путь за вами.
Но дальше есть-ли путь? Жрецы умолкли въ храмѣ.
Потухшій взоръ боговъ предсмертной муки полнъ.

И вѣры нѣтъ ни въ комъ, и нѣтъ нигдѣ забвенья,
и прошлые вѣка стоятъ какъ привидѣнья,
какъ цѣпь высокихъ горъ, какъ рядъ недвижныхъ волнъ.

ОРФЕЙ

Изъ царства призраковъ, изъ сумраковъ бездонныхъ
аида тихаго, вернулся онъ, могучій,
въ долины Греціи, какъ царь въ вѣнцѣ созвучій,
въ вѣнцѣ безгрѣшныхъ думъ, любовью озаренныхъ.

Онъ пѣлъ. Его словамъ покорны были тучи,
и вѣтры грозные, и хоры волнъ безсонныхъ.
Онъ пѣлъ, и соловьи въ лѣсахъ завороженныхъ
смолкали, услыхавъ призывъ его пѣвучій.

Онъ пѣлъ одну любовь, онъ пѣлъ объ Эвридикѣ.
И міръ внималъ ему, какъ вѣщему владыкѣ,
и всѣхъ минувшихъ дней обманутыя стоны,
всѣхъ будущихъ вѣковъ нежившія печали,
надъ лирой золотой витая, извлекали
изъ чуткихъ струнъ ея тоскующіе звоны.

ЛОЖЬ

Ты мнѣ лгала. Не надо словъ. Я знаю.
Я знаю все и гордо говорю:
ты мнѣ лгала—навѣки я прощаю,
ты все взяла—я все тебѣ дарю.

Что ложь твоя? Въ тебѣ я воспѣваю
надеждъ моихъ угасшую зарю,
любовь мою въ тебѣ благословляю,
и за любовь тебя благодарю.

Ты мнѣ лгала. Но я горѣлъ тобою,
и твой обманъ я искупилъ тоскою
безумныхъ грёзъ, восторга и стыда.

Ты мнѣ лгала, но я повѣрилъ чуду,
но я любилъ, и слёзъ я не забуду,
которыхъ ты не знала никогда.

СВЯТЫНЯ

Пусть грёзой будетъ жизнь и жизнью грёза станетъ.
Непостижимость—рай познанья моего,
и въ невозможности желанья—торжество
мечты тоскующей надъ тѣмъ, что душу ранитъ.

Какъ лунный лучъ въ волнахъ, насъ призракъ счастья манитъ,
чтобъ измѣнить мечтѣ, повѣрившей въ него.
Но правда—лишь во снѣ; въ измѣнѣ—волшебство;
и мудрый призракамъ молиться не устанетъ.

Тиха моя печаль о томъ, что не придетъ;
мое невѣдѣнье таинственно и свято.

Все сумракъ, все обманъ, и тихій путь куда-то...

Какъ отблескъ лунныхъ струй на зыби сонныхъ водъ,
какъ вѣтра слѣдъ въ пескахъ недвижимой пустыни,
какъ пѣна óблака—мечта моей святыни.

ГИТАНА

По платью нищая, красой движеній—жрица,
въ толпѣ цыганъ она плясала для меня:
то, быстрая какъ вихрь, браслетами звеня,
кружилась бѣшенно; то гордо, какъ царица,
ступала по ковру, не глядя и маня;
то вздрагивала вся какъ раненая птица...
И взоръ ея тускнѣлъ отъ скрытаго огня,
и вспыхивала въ немъ безумная зарница.

Ей было весело отъ пѣсенъ и вина,
ее несла волна, ее пьянила пляска,
и ритмы кастаньетъ, и пристальная ласка
моихъ влюбленныхъ глазъ. И вся была она
призывна какъ мечта и какъ любовь грозна—
гитана и дитя, и женщина, и сказка!

ПОСВЯЩЕНІЕ

Поэтъ, меня страшитъ соблазнъ твоихъ рѣчей,
и я готовъ порой сказать нетерпѣливо:
обманна грусть твоя, твое сомнѣнье лживо!
Но тайно вѣритъ имъ печаль мечты моей.

Поэтъ, ты не рѣка широкая полей,
ты не лѣсной потокъ, пѣнящійся бурливо,
не властный океанъ,—не океанъ, ревниво
обнявшій всѣ міры и грозы всѣхъ страстей.

Ты—озеро высотъ, глубокое какъ море.
Ты озеро межъ горъ, вздымающихъ въ уборѣ
пустынныхъ глетчеровъ нѣмые алтари.

И свѣтится въ тебѣ холодными лучами
печаль холодная, какъ небо надъ снѣгами,
прекрасная, какъ блескъ негрѣющей зари.

СЧАСТЬЕ

О счастьѣ ихъ слова и слёзы, и мольбы.
Къ добру и подвигу взывая лицемѣрно,
сердца ихъ ждутъ утѣхъ и молятъ суевѣрно
обѣщанныхъ даровъ отъ Бога и судьбы.

Свобода имъ страшна. Надежды ихъ слабы.
И знаетъ ихъ любовь, что вѣчное—невѣрно,
и достиженье—смерть для любящихъ безмѣрно.
Къ чему свобода имъ? Счастливые—рабы.

Но мы, жрецы безъ жертвъ, безъ храма и безъ Бога,
мы, жизнь постигшіе у темнаго порога
таинственныхъ дверей, мы молимся о томъ,
чему названье нѣтъ. Въ предчувствіи тревожномъ
любви несбыточной, въ тоскѣ о невозможномъ
мы грезимъ о мірахъ, несозданныхъ Творцомъ.

ЭПИТАФІЯ

Я назвалъ жизнь мечтою своенравной,
я назвалъ смерть забвеніемъ мечты,
и смертнаго—бойцомъ въ борьбѣ неравной
недолгихъ чаръ и вѣчной темноты.

И призракомъ души моей безправной
я назвалъ міръ и рабствомъ суеты,
и въ истинахъ не зная силы славной,
прославилъ я обманы красоты.

Я встрѣчи ждалъ, но братьевъ я не встрѣтилъ.
Молился я, но Богъ мнѣ не отвѣтилъ,
моей тоски никто не раздѣлилъ.

Всю скорбь любви я разумомъ измѣрилъ,
но никого на свѣтѣ не любилъ.
Я жилъ какъ всѣ, но жизни не повѣрилъ.

РАСПЯТЬЕ

Онъ говорилъ мнѣ, кроткій ликъ распятья:
Не вѣрь, мой сынъ, ни людямъ, ни себѣ.
Все—тайна... Вотъ, израненый въ борьбѣ,
ты страждешь, и судьбѣ твердишь проклятья...

Но, можетъ быть, въ тотъ скорбный часъ, къ тебѣ
иныхъ міровъ таинственные братья
стремятъ, любя, далекія объятья
и улыбаются твоей судьбѣ.

И, можетъ быть, когда—незлобенъ, тихъ,
ликуешь ты, и смѣхъ въ рѣчахъ твоихъ,
какъ знать? тогда, тогда съ тобою рядомъ,
какъ тѣнь твоя, незримый духъ стоитъ
и на тебя глядитъ нездѣшнимъ взглядомъ,
и о тебѣ таинственно скорбитъ.

ВЪ СТЕПИ

Уснулъ пастухъ, стада бродить устали.
Свѣжѣетъ сумракъ. Нѣжныхъ чаръ полна,
печаль небесъ стыдлива и ясна.
Какъ синій дымъ въ туманахъ тонутъ дали.

Всѣ шумы дня покорно отзвучали.
Безоблачна, какъ небо, тишина.
Степную ширь объяли думы сна,
и внемлетъ ей безмолвіе печали.

Какъ море степь. Куда не кинешь взоръ —
гигантскій кругъ, таинственный просторъ
безъ береговъ, безъ красокъ и движеній.

И кажется: весь міръ въ разливахъ тѣни
чуть зыблется... и въ немъ таится хоръ
дыханьемъ ночи скованныхъ видѣній.

ОДИНОЧЕСТВО

Уединенья нѣтъ. Ты рабъ земныхъ оковъ.
Отъ ближнихъ ты бѣжалъ, но съ дальнимъ нѣтъ разлуки.
Въ молчаніи твоемъ родившіеся звуки —
лишь отзвуки иныхъ, забытыхъ голосовъ.

Кто-бъ ни былъ ты, твой смѣхъ, твои живыя муки
и слёзы—не твои; изъ сумрака вѣковъ
къ тебѣ протянуты невидимыя руки
взывающихъ къ тебѣ далёкихъ мертвецовъ.

Свободы хочешь ты, къ вершинамъ одинокимъ
мечта тебя влечетъ отъ мудрыхъ и невѣждъ...
Безуміе! Въ тебѣ—міры былыхъ надеждъ.

Смотри: изъ глазъ твоихъ чудовищемъ стоокимъ
глядитъ минувшее... Наединѣ съ собой—
ты только тѣнь тѣней, незнаемыхъ тобой.

НА ОЗЕРѢ

I

Проснулось озеро. Воздушны очертанья
холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ, и всюду свѣтъ проникъ.
Ужъ воздухъ дышитъ имъ, и сводъ небесъ великъ,
какъ замыселъ Творца въ предвѣчный день созданья.

И такъ прекрасенъ міръ, весь—нѣжность и сіянье,
весь—трепетъ юности. Какъ будто въ этотъ мигъ,
не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ!

Свѣтаетъ. Но во мглѣ еще неуловимы
границы береговъ; ихъ склоны еле-зримы.
Сквозными кажутся вершины горъ вдали.

И струи озера блестятъ какъ хрустали...

И таютъ, чуть дрожа, какъ розовые дымы
въ прозрачностяхъ небесъ прозрачности земли.

II

Терраса. Полдень. Блескъ и зной. Безбурна
лазурь небесъ, и огненно-лазурна
въ ея лучахъ нѣмая зыбь воды...
Надъ лѣстницей—бѣлѣющая урна.
Ковры изъ розъ, гвоздикъ и резеды;
и кипарисовъ темные ряды,
и между ними—статуя Сатурна,
какъ призракъ бѣлый... И сады, сады...

На мраморѣ въ узоры кружевные
сплелися тѣни, бархатно-сквозныя
и синія какъ дымчатый сафиръ.

Земля горитъ. Струится нѣга лѣта.
Лучи слѣпятъ. Пылая, внемлетъ міръ
въ пожарахъ дня звенящій трепетъ свѣта.

III

Поетъ вечерній звонъ. Смеркается. Закатомъ
охваченъ небосклонъ. Нагорные луга
въ багряномъ золотѣ. Туманны берега,
и сумракъ напоенъ тепломъ и ароматомъ.

Все тише, все темнѣй. Лишь пѣсня рыбака
порой доносится; и въ воздухѣ, объятомъ
умолкшимъ звономъ, звонъ, звеня издалека,
со звономъ шепчется, какъ братъ съ усталымъ братомъ.

Все тише, все темнѣй. И мнится навсегда,
какъ очертанья сновъ, безслѣдно обманувшихъ,
уходятъ въ зыбкій мракъ на берегахъ уснувшихъ
окружные холмы, сады и города.

Все тише... Только звонъ. И въ этомъ звонѣ снятся
вѣка забытые. Мгновенья длятся, длятся...

СФИНКСЪ

Въ часы полночныхъ думъ не разъ мнѣ тихо снилась
страна сѣдыхъ жрецовъ, пустынная для насъ.
Къ тебѣ, безмолвный Сфинксъ, къ тебѣ я шелъ не разъ,
и праху твоему во снѣ душа молилась.

Какой волшебный рокъ тебя отъ тлѣнья спасъ?
Чья мудрость вѣщая въ твой образъ воплотилась?
Чья царственная мысль навѣкъ обожествилась
во взорѣ каменномъ твоихъ незрячихъ глазъ?

Какъ призракъ древнихъ солнцъ, хранимый небесами,
одинъ остался ты надъ мертвыми песками...
У ногъ твоихъ журчитъ земныхъ временъ рѣка.

Ты смотришь на нее, исполненный гордыни;
и отражаются, какъ марева пустыни,
въ пучинахъ прошлаго грядущіе вѣка.

ВРЕМЯ

Все тлѣнно, что живетъ, все минетъ безъ слѣда—
такъ мыслятъ мудрецы и плачутъ одиноко.
Напрасный, ложный бредъ! Что близко? что далёко?
Сегодня, иль вчера? иль давніе года?

Что время?—Призракъ, сонъ, возможность иногда
измѣрить памятью непостижимость рока.
Бытье внѣвременно. У жизни нѣтъ истока.
Безслѣдное для насъ живетъ всегда, всегда.

Мгновенье вѣчное надъ безднами почило.
И все, что было, есть, и все, что будетъ, было.
Для чаяній земли грядущее не цѣль.

О, тайна тайнъ моихъ! Въ плѣну возникновеній
ты, гордый разумъ мой,—могила—колыбель
въ недвижной вѣчности струящихся мгновеній.

ПРИЗНАНІЯ

* * *

Слышу я голосъ ласкающій,
въ сумракѣ мнѣ навѣвающій
тихія сказки любви.

Помню я проводы дальные,
рѣчи и взоры прощальные,
тихіе взоры твои.

Сердце мое одинокое
въ сумракѣ чуетъ далёкое,
тихое счастье свое —

шепчетъ названье любимое,
имя навѣки хранимое,
тихое имя твое.

* * *

Въ кругу друзей я не боюсь
бесѣды оживленной,
и гордо я не сторонюсь
толпы непосвященной.
Вѣдь нѣтъ на свѣтѣ никого,
кто сердцемъ разгадаетъ
безмолвье сердца моего.

Никто его не знаетъ.

Любовь пою я тишинѣ,
но въ пѣсняхъ нѣтъ любимой.
Любовь останется во мнѣ
мечтою нелюдимой.
Пусть этотъ міръ, какъ рай земной,
къ блаженству призываетъ.
Мой тихій рай всегда со мной.

Никто его не знаетъ.

И я гляжу на небо, вдаль,
безъ трепетныхъ моленій.
Пустынно въ немъ. Но мнѣ не жаль
утраченныхъ видѣній.
Пусть этотъ міръ, какъ Божій храмъ,
о небѣ вопрошаетъ.
Мой богъ во мнѣ. Далеко, тамъ...

никто его не знаетъ.

* * *

Темноокая! мѣрила
нѣтъ любви неизмѣримой.
У души непостижимой,
если разъ она любила,
подъ таинственнымъ покровомъ —
всѣхъ безумій переливы.
Человѣческимъ-ли словомъ
передать ея порывы?
Что порокъ и что святое?
Гдѣ потёмки и сіянья?
Гдѣ сомнѣнья? гдѣ мечтанья?
Гдѣ кончается земное?
Мракъ-ли нуженъ для зарницы,
или грозамъ блескъ лазури?
И къ чему искать границы
тамъ, гдѣ царство грёзъ и бури,
и молитвы, и объятья, —

гдѣ встрѣчаются, какъ братья
рай блаженствъ и адъ кромѣшный,
и любовь поетъ, чаруя,
красотою ласки грѣшной,
нѣжной болью поцѣлуя!

Въ этой пѣснѣ духовъ буйныхъ
голоса неукротимы,
и на арфахъ сонноструйныхъ
славословятъ серафимы.

* * *

Что же, пускай разлюбила она.
Чашу любви не извѣдавъ до дна,
я говорю: все забудется вскорѣ —
горе любви, вдохновенное горе.

Ночь наступила. Ея тишина
грустью былыхъ упованій полна.
Звѣзды колеблются въ темномъ просторѣ.
Горе любви, безотвѣтное горе...

На̀ морѣ—буря. Сѣдая волна
бьется о берегъ дика и шумна.
Стонетъ, грозитъ возмущенное море.
Горе любви, неутѣшное горе.

* * *

Въ тѣни акацій и черешенъ
люблю я въ жаркій, лѣтній день
мечтать безъ дѣла... Зной и лѣнь —
друзья; и ими я утѣшенъ
отъ всѣхъ печалей и трудовъ
— среди полей, среди луговъ,
въ тѣни акацій и черешенъ.

Лежишь бывало... Солнца блескъ
горитъ въ листвѣ. Веселый трескъ
сверчковъ, пчелиное жужжанье,
незримыхъ крыльевъ трепетанье
въ ушахъ безъ умолку звенятъ.
Мгновенья—тихи. Думы спятъ.
И міръ таинственно-безгрѣшенъ.
И льется пряный ароматъ...
въ тѣни акацій и черешенъ.

Сквозь сѣть колеблемыхъ вѣтвей,

зеленыхъ листьевъ и стеблей,
видны, скользящія рядами,
высоко гдѣ-то, облака,
большія, бѣлыя, слегка
осеребренныя лучами.
Межъ ними свѣтится мѣстами
—невозмутима, глубока—
лазурь небесъ...
И такъ часами
глядишь любуясь. Степь, просторъ.
Дорога вьется. Дальній боръ
лиловой дымкою завѣшанъ.
А тамъ бѣлѣетъ барскій домъ,
и дремлютъ хаты надъ прудомъ,
въ тѣни акацій и черешенъ.

Глядишь... Горячій трепетъ дня
ко сну лѣниво вѣки клонитъ.
Струится нѣга бытія,

и въ ней, какъ нѣжная струя,
душа устало, тихо тонетъ.
На міръ взирая съ высоты,
какъ солнца лучъ она пылаетъ,
какъ облако на небѣ, таетъ,
благоухаетъ, какъ цвѣты...
И съ ней въ одно созвучье смѣшанъ
іюльскій день—въ одну мечту,
въ одну живую красоту...

Въ тѣни акацій и черешенъ!

* * *

Дитя, не спрашивай съ тоскою,
зачѣмъ я плачу, отчего
не въ силахъ я передъ тобою
сказать признанья моего.

Что слово?—Мертвое мгновенье,
нѣмыхъ предчувствій смутный слѣдъ,
усталый отблескъ, отраженье...
Въ словахъ ни лжи, ни правды нѣтъ.

Въ словахъ—лишь тѣни и мерцанья
невыразимыхъ, тайныхъ сновъ.
Дитя, у счастья нѣтъ признанья,
и для молитвъ не надо словъ.

Душа въ часы блаженной муки
таитъ сокровища свои,
и въ ней сливаются всѣ звуки
въ одно молчаніе любви.

И сердце, словъ не зная вѣчныхъ,
не выдаетъ ея чудесъ.

Есть глубина у думъ сердечныхъ,
безмолвная какъ сводъ небесъ.

* * *

Какъ странно... Когда я гляжу въ небеса,
и скатится грустно звѣзда въ вышинѣ,
пугливо мерцая,—все кажется мнѣ,
что гдѣ-то надъ нами упала слеза.

Какъ странно... Любуясь тобой, иногда
я вижу слезу въ твоихъ грустныхъ глазахъ.
И чудится мнѣ: далеко въ небесахъ
упала, дрожа, золотая звѣзда.

* * *

Въ этомъ мірѣ не случайно
ты меня нашла.
Насъ одна связала тайна.
Насъ судьба свела.

Нѣтъ, съ тобою не впервые
мы забылись сномъ.
Мы отъ вѣчности родные.
Мы навѣкъ вдвоемъ.

Солнце дальняго разсвѣта
озарило насъ.
Я съ тобой встрѣчался гдѣ-то,
можетъ быть, не разъ.

Счастье наше будетъ свято,
наша скорбь горда.
Я любилъ тебя когда-то.
Можетъ быть, всегда.

* * *

Не утро ты, ты не разсвѣтъ, —
не полдень пламенно-мятежный,
не ночь — о нѣтъ!
ты вечеръ нѣжный.
Ты — робкій призракъ тишины,
рожденный сумракомъ печальнымъ,
въ тотъ часъ, когда лучемъ прощальнымъ
озарены
дубровы сонныя и нивы,
въ тотъ часъ, когда
природа грезитъ молчаливо,
и загорается стыдливо
звѣзда.

Ты вся—вечерняя, чужая
дневнымъ тревогамъ и страстямъ.
Какъ будто, изъ иного края
пришла ты къ намъ

и, на землѣ земли не зная,
тоскуешь, вспоминая.
Ты вся—унывная, твой взоръ
улыбкой свѣтится закатной,
исполненъ грусти непонятной
твой разговоръ.

Какъ вечеръ сны мои чаруя,
печалишь ты мечту мою,
и оттого тебя люблю я,
что вечеръ я люблю.

* * *

Я знаю кладбище на островѣ зелёномъ,
гдѣ зноемъ дышитъ день и ночь отрадой тьмы,
и таютъ въ блескѣ зорь на небѣ золоченомъ
цвѣтущіе холмы.

Я знаю кладбище на берегу залива,
залива синяго, какъ темная лазурь.
Высокая стѣна хранитъ его ревниво
отъ моря и отъ бурь.

Высокая стѣна вокругъ него бѣлѣетъ,
и волны южныя прерывисто журчатъ,
и вѣтеръ съ береговъ солёной влагой вѣетъ,
и зрѣетъ виноградъ.

На этомъ кладбищѣ красиво и прохладно,
какъ въ зàмкѣ вѣковомъ... Въ немъ пышно разрослись
и миртъ, и олеандръ; и грезитъ въ немъ отрадно
недвижный кипарисъ.

Въ немъ есть часовенки съ семейными гербами.
Повсюду, вдоль аллей, пестрѣютъ цвѣтники.
И съ вѣтромъ шепчутся подъ черными крестами
забытые вѣнки.

* * *

О, будь безъ стыда. Какъ природа, какъ боги
безстыдною будь.
Забудь въ эту ночь всѣ слова, всѣ тревоги,
всю ложь позабудь.

Есть только любовь. Нѣтъ грѣха и порока.
Есть только любовь.
Люби меня властно, ревниво, жестоко.
Возьми мою кровь.

Въ горячемъ плѣну нашихъ долгихъ лобзаній—
весь трепетный зной,
всю боль ненасытныхъ, усталыхъ желаній
узнаемъ съ тобой.

Будь нѣжной рабой, будь безумной царицей
на ложѣ любви.
Приди въ эту ночь вдохновенною жрицей
въ объятья мои.

* * *

Любишь ты все, что волною туманною,
сумрачнымъ шопотомъ въ сердце вливается,
все, что баюкаетъ грёзою странною
и не сбывается.

Любишь ты все, что боится признанія,
все невозможное, недостижимое,
вѣчно-неясное, необъяснимое,
грусть безъ названія.

Полно...

* * *

Съ перваго взгляда, съ первой-же встрѣчи
манятъ другъ друга души родныя,
въ сумракѣ слышатъ рѣчи нѣмыя,
тайныя рѣчи.

Чарамъ безмолвій слова не надо,
сердце безъ слова знаетъ и любитъ,
пытка желаній медленно губитъ
съ перваго взгляда.

Пусть мы не вѣримъ тихому чуду,
тщетно пытаясь вѣрить забвенью.
Призракъ желанный вѣщею тѣнью —
съ нами повсюду;

знойное пламя властнаго яда
мысли сжигаетъ больно и нѣжно.
Все—невозвратно, все—неизбѣжно
съ перваго взгляда.

* * *

Льется мелодія странная,
точно мольба несказанная
вдаль отошедшаго дня.

Тѣни давно пережитаго,
призраки міра забытаго
вѣють, чаруя меня.

Чтò это тихо-зовущее?
Горе-ли, горе грядущее
или печаль о быломъ?

Счастье смѣется-ли вешнее,
или страданье нездѣшнее
плачетъ о счастьѣ земномъ?

* * *

Я люблю, пока мечтаю,
я въ мечтахъ любить умѣю.
Но, любя, я не желаю и не смѣю.

Я люблю, пока мнѣ снится,
что нездѣшній сонъ люблю я.
Но любовь моя боится поцѣлуя.

Я люблю какъ люди любятъ —
всею мукой сладострастья.
Но мои объятья губятъ грёзу счастья.

Кто мнѣ сердце отуманитъ,
кто любить меня принудитъ?
Все что манитъ, то обманетъ и не будетъ.

* * *

Не знаю я, кого напрасно
въ мірѣ я ищу,
о комъ такъ страстно и неясно
въ сумракѣ грущу.

Но знаю, вся она желанна,
вся—какъ сонъ любви,
и къ ней одной влекутся странно
помыслы мои.

Но знаю, съ нею гдѣ-то, гдѣ-то
въ царствѣ тихой тьмы
словами вѣчнаго обѣта
обручились мы,—

словами, полными глубокой
грусти бытія.
Но этихъ словъ любви далёкой
не запомпилъ я.

* * *

Будь юной, дерзкою царицей,
завороженной красотой,
съ тяжелой, сонною рѣсницей,
и съ властной наготой.

О, будь какъ ночь грѣха тревожна.
Мученій, ласки не жалѣй,
и дай мнѣ все, что дать возможно
на праздникѣ страстей.

Будь львицей хитрой и проворной...
Дитя коварства и огня!
Тебѣ любовью непокорной
не покорить меня.

Будь ясно-тихой и печальной,
какъ зори раннею весной,
съ душой прозрачной, нѣжно-дальной
какъ сумракъ голубой.

Будь робкимъ, сказочнымъ созданьемъ,
стыдливой лиліей полей.
Томи мечтательнымъ признаньемъ
нерадостныхъ очей.

Покорной будь и будь призывной,
живи любя, люби во снѣ...
Покорности, о призракъ дивный,
не надо мнѣ!

* * *

Темно надъ рѣкою. Сердито шумитъ
порывистый вѣтеръ. Доносится громъ.
Вода помутилась, и тучи кругомъ...
Дитя, успокойся! Гроза пролетитъ.
Появится солнце, и снова оно,
играя въ прозрачной рѣкѣ, озаритъ
ея золотистое дно.

Дитя, успокойся! Заглянетъ потомъ
и въ сердце мое отраженье небесъ.
И много невѣдомыхъ людямъ чудесъ,
молитвъ и желаній, затерянныхъ въ немъ,
разбудятъ весеннія ласки твои.
Дитя, успокойся... И въ сердце моемъ
есть дно золотое любви.

* * *

Мнѣ страшно. Цѣлуя тебя,
    я цвѣты ядовитые рву.
Твою непорочность любя,
    я преступной мечтою живу.

Мнѣ страшно. Въ улыбкѣ твоей
    затаенъ безнадежный укоръ.
На днѣ твоихъ дѣтскихъ очей —
    моя мука, мой грѣхъ, мой позоръ.

Мнѣ страшно. Въ объятьяхъ моихъ
    твою душу навѣки сгубя,
въ огнѣ твоихъ ласкъ молодыхъ
    я сгорю, проклиная тебя!

* * *

Ты любишь-ли степи? Въ равнинахъ пустынныхъ
внимала-ль ты голосу пѣсенъ старинныхъ,
тоскующихъ пѣсенъ любви?

Ты любишь-ли степи? Безкрайныя дали
когда-нибудь думамъ твоимъ навѣвали
безкрайныя думы свои?

Да, любишь! Я знаю. Румянецъ твой знойный
и томная прелесть улыбки спокойной
овѣяны лаской степной.

Въ тиши твоего затѣненнаго взора —
и нѣга, и трепетъ степнаго простора,
вся музыка шири родной.

* * *

Я влюбленъ въ очертанья прибрежій холмистыхъ,
оттѣняющихъ синій заливъ,
я влюбленъ въ отраженья лучей золотистыхъ,
въ этотъ пышный, могучій разливъ
ослѣпительныхъ красокъ и зноя, и свѣта,
и прозрачныхъ тѣней. Я влюбленъ
въ этотъ праздникъ безоблачный южнаго лѣта,
въ этотъ блескъ, въ этотъ солнечный звонъ.

Что за радуга жизни! Какъ въ воздухѣ чистомъ
кипарисная зелень темна!
Отливаетъ опаломъ, сквозитъ аметистомъ
на пескѣ серебристомъ волна;
спятъ дубовыя рощи въ тѣни ароматной;
на холмахъ—молодой виноградъ.
И въ объятьяхъ лазури весь міръ необъятный
утопаетъ какъ сказочный садъ.

Даже въ кладбищѣ старомъ, и тамъ все ликуетъ,

* * *

Съ перваго взгляда, съ первой-же встрѣчи
манятъ другъ друга души родныя,
въ сумракѣ слышатъ рѣчи нѣмыя,
тайныя рѣчи.

Чарамъ безмолвій слова не надо,
сердце безъ слова знаетъ и любитъ,
пытка желаній медленно губитъ
съ перваго взгляда.

Пусть мы не вѣримъ тихому чуду,
тщетно пытаясь вѣрить забвенью.
Призракъ желанный вѣщею тѣнью —
съ нами повсюду;

знойное пламя властнаго яда
мысли сжигаетъ больно и нѣжно.
Все—невозвратно, все—неизбѣжно
съ перваго взгляда.

* * *

Льется мелодія странная,
точно мольба несказанная
вдаль отошедшаго дня.

Тѣни давно пережитаго,
призраки міра забытаго
вѣютъ, чаруя меня.

Что̀ это тихо-зовущее?
Горе-ли, горе грядущее
или печаль о быломъ?

Счастье смѣется-ли вешнее,
или страданье нездѣшнее
плачетъ о счастьѣ земномъ?

нездѣшній міръ, который съ юныхъ лѣтъ
тоской надеждъ мнѣ сердце наполняетъ,
съ тобой—какъ тѣнь, какъ смутный, лживый бредъ—
навѣки умираетъ.

Иду. Прощай... Ты плачешь? Знаетъ Богъ—
въ слезахъ любви твоей я не раскаюсь.
О, если-бы, какъ ты, я плакать могъ
съ тобою разставаясь!

Отъ этихъ слёзъ не надо исцѣлять.
Но жалокъ тотъ, чей вѣкъ безъ слёзъ былъ прожитъ,
кто за любовь хотѣлъ-бы душу дать
и полюбить не можетъ.

Не проклинай меня, мой бѣдный другъ!
Тоски нѣмой удушливыя грозы,
раскаянья моихъ безслёзныхъ мукъ
больнѣе жгутъ, чѣмъ слёзы.

* * *

Передо мной опять, опять
возникла ты безумной сказкой,
грозишь и манишь прежней лаской...
И жутко сердцу вспоминать.

Тоска-ли поздняя проснулась
о томъ, чего не будетъ вновь?
Иль новымъ чарамъ улыбнулась
былая, мертвая любовь?

Люблю-ли я, люблю-ли снова,
иль мукъ забытыхъ слишкомъ жаль?
Что это?—Старая печаль,
иль призракъ счастья молодого?

* * *

Любуясь тобой, не тебя я любилъ.
Внимая твой голосъ и рѣчи твои,
усталою думой я тайно грустилъ
о тайнахъ другой, недоступной любви.

Любуясь тобой, я былъ твой и не твой.
Въ твоей лучезарно-земной красотѣ
мнѣ грезилась музыка нѣги не той,
мнѣ снились забвенья и ласки не тѣ.

Любуясь тобой, я тебѣ измѣнялъ.
Я призракъ любилъ, я любилъ, не любя.
Въ объятьяхъ твоихъ я Творца искушалъ.
Я лгалъ и молился, цѣлуя тебя.

* * *

Безумный жрецъ шелъ много дней
безъ отдыха и сна.
    Мои мечты—міры тѣней.
    Любовь, любовь—одна.

И въ дальній храмъ, съ жезломъ въ рукахъ,
вошелъ онъ какъ пророкъ.
    Мои мечты—священный прахъ.
    Любовь моя—мой рокъ.

Молился долго онъ одинъ
и слёзъ унять не могъ.
    Мечты мои—снѣга вершинъ.
    Моя любовь—потокъ.

И къ жертвѣ приготовилъ онъ
святыню алтаря.
    Мои мечты—разсвѣтный сонъ.
    Любовь, любовь—заря.

И ножъ онъ въ грудь себѣ вонзилъ,
обряды сотворя.
    Мои мечты—какъ блескъ свѣтилъ.
    Какъ ночь—любовь моя.

И на алтарь упалъ онъ ницъ,
навѣкъ закрывъ глаза.
    Мечты мои—лучи зарницъ.
    Моя любовь—гроза.

И на алтарь текли струи,
лилась изъ раны кровь.
    Какъ бредъ жреца—мечты мои.
    Какъ смерть—моя любовь.

ВЕЧЕРНЕЕ

Abend ward es: vergebt
mir dass es Abend ward...
Nietzsche.

Сумракъ нѣжный, словно нити,
струны пронизали.
Тихій часъ моей печали,
часъ наитій!

Въ нѣжномъ сумракѣ касаясь
струнъ неуловимыхъ,
внемлю пѣснь міровъ незримыхъ,
улыбаясь.

Звонъ далёкій, звонъ забвеній
внемлю, вспоминая.
Вечеръ! Арфа золотая
сновидѣній...

* * *

Есть много истинъ не открытыхъ
и не измѣренныхъ глубинъ,
надеждъ и мукъ не пережитыхъ,
и не достигнутыхъ вершинъ.

Есть много бурь, еще не спѣвшихъ
своихъ таинственныхъ угрозъ,
великихъ словъ не прогремѣвшихъ,
не пролитыхъ великихъ слёзъ.

И мыслей много, дерзновенныхъ,
безстрашныхъ мыслей—чуждыхъ всѣмъ,
и пѣсенъ, пѣсенъ вдохновенныхъ,
не слышанныхъ никѣмъ!

* * *

Безмолвный край, угрюмый край, холодный край!
Вездѣ—покой унылаго простора,
вездѣ—туманъ и сѣрыя озёра...
Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!

Вокругъ меня—печаль великой тишины,
больныхъ небесъ усталое сіянье,
громады скалъ, и сосенъ колыханье,
и однозвучный плескъ береговой волны.

Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!
Кругомъ—овѣянный мечтой невнятной,
печалью призрачной и необъятной—
безмолвный край, угрюмый край, холодный край!

ЭХО

Душа, повѣдай мнѣ, зачѣмъ
стучится ночь въ мое окно,
и вѣтеръ плачетъ, и темно,
и неразгаданный никѣмъ,
небесный мракъ такъ слѣпъ и нѣмъ?
Зачѣмъ...

Скажи мнѣ, ночь, куда, куда,
въ какія бездны вѣчной тьмы,
которыхъ здѣсь не знаемъ мы,
скользятъ мгновенья и года
и тонутъ, тонутъ навсегда?
Куда...

Слѣпое небо! Отчего
съ самимъ собой наединѣ
мнѣ страшно слушать въ тишинѣ,
когда не слышно ничего,
удары сердца моего?..

ДВА СТРАННИКА

Кто онъ? Повѣдай мнѣ, о странникъ! Много разъ
у этихъ водъ, на берегу далёкомъ,
молился онъ въ раздуміи глубокомъ
и ночь благословлялъ, не замѣчая насъ.
Слова его мольбы—необычайны.
Печаль нездѣшняя въ напѣвѣ ихъ звучитъ.
Его усталый взоръ ласкаетъ и грозитъ,
исполненный любви, грѣха и тайны.

Кто онъ? Какіе сны онъ чуетъ въ тишинѣ?
Въ какую даль стремится и откуда?
Я спрашивалъ людей... И отвѣчали мнѣ:
«Избранникъ онъ, дитя небесъ и чуда.
Его устами Богъ незримый говоритъ.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
Тебя утѣшитъ онъ отраднымъ пѣньемъ,
страданія твои мечтой заворожитъ».
«Онъ мученикъ—другіе отвѣчали —

гонимый завистью и злобою людской.
Иди къ нему. Пойми его печали.
Утѣшь его тоску отзывною тоской».
И я хотѣлъ идти къ нему смиренно,
чтобъ сердце передъ нимъ довѣрчиво раскрыть,
и я хотѣлъ всю скорбь души его испить
какъ жгучій ядъ изъ чаши драгоцѣнной...
Но чьи-то голоса мнѣ прошептали: «Нѣтъ!
Не вѣрь ему. Волшебникъ онъ лукавый
и лжецъ»...

—О странникъ! Судъ людей былъ правый!
Я узнаю его. Избранникъ тотъ—поэтъ.
Иди къ нему. Онъ жизнь свою даруетъ
неяснымъ призракамъ, витающимъ надъ нимъ,
онъ тотъ, кого съ мольбой безшумный серафимъ
въ уста, какъ другъ таинственный, цѣлуетъ.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.

И если ты, какъ онъ чужой земнымъ страстямъ,
томишься на землѣ по дальнимъ небесамъ—
то, можетъ быть, насытивъ грудь мученьемъ,
въ мученьи ты найдешь отдохновенный храмъ.
Но если ты томимъ великой жаждой
борьбы и подвиговъ, волненій и страстей,
но если мракъ и трепетъ жизни каждой
сливаются съ душой отзывчивой твоей,
и если можешь ты безъ сожалѣнья,
безъ ужаса сказать—для жизни жизнь дана,
и улыбаться ей, и пить ее до дна,
до глубины послѣдняго мгновенья—
тогда живи безъ грёзъ; отдайся весь борьбѣ
за счастье и за жизнь. Твоей земной судьбѣ
не нуженъ рай, поэта рай чудесный.
Поэта манитъ призракъ безтѣлесный,
обрывы мертвые влекутъ его къ себѣ.

О странникъ, знай, когда онъ воспѣваетъ

словами страстными любви могучій бредъ,
когда земную скорбь отъ низменныхъ суетъ
онъ къ жалости и къ жертвѣ призываетъ—
быть можетъ, дальше онъ отъ жизни и людей,
чѣмъ Богомъ и людьми отверженный злодѣй.
Ни жалости, ни гнѣва онъ не знаетъ.
И кто бы ни былъ онъ, безумецъ иль герой,
отъ первыхъ, чистыхъ думъ и до могилы
поэтъ—безсильный рабъ великой силы,
владѣющей его смятенною душой.

О странникъ! Въ небесахъ непостижимыхъ
есть звѣзды дальнія, чужія для земли.
Глубокія моря волнуются вдали,
у береговъ, земнымъ очамъ незримыхъ.
Поэтъ—дрожащій лучъ тѣхъ призрачныхъ міровъ,
упавшій къ намъ слезой любви и горя.
Поэтъ—волна таинственнаго моря,

забытая Творцомъ у нашихъ береговъ.
И оттого, въ тиши своихъ страданій,
внимая голосамъ неслышнымъ никому,
онъ вызываетъ міръ воспоминаній
изъ смутной глубины, невѣдомой ему.
И оттого, блуждая думой плѣнной
въ холодномъ царствѣ сновъ, онъ вѣчно одинокъ.
И оттого въ часъ скорби вдохновенной
Онъ плачетъ какъ дитя и грезитъ какъ пророкъ...

* * *

День погасъ.
Молитесь тишинѣ
вечернихъ откровеній.
Въ этотъ часъ
душа—наединѣ
съ обманомъ сновидѣній.

Ночь идетъ.
Молитесь небесамъ
и звѣздамъ незакатнымъ.
Сердце ждетъ
и чуетъ: сердце—тамъ,
во мракѣ необъятномъ.

УКРАЙНА

Въ розовомъ сумракѣ ивы плакучія
надъ пыльной дорогой стоятъ.
Шорохи вечера, струи пѣвучія
неясно плывутъ и звенятъ.

Улица мáзанокъ, тихо мечтающихъ
среди голубыхъ тополей,
прудъ, вереница крестьянъ проѣзжающихъ
и легкія ткани тѣней—

все выдается узорами нѣжными
въ сіяньи закатныхъ лучей.
Издали кажутся хлопьями снѣжными
стада бѣлокрылыхъ гусей.

Поле раскинулось въ ширь безпредѣльную.
Покоенъ туманистый сводъ.
Вечеръ украинскій пѣснь колыбельную
душѣ восхищенной поетъ.

* * *

Представьте: ясный вечеръ лѣта.
Полутемно въ большой гостинной;
лишь змѣйки розовыя свѣта
дрожатъ на мебели старинной.
Представьте: ясный вечеръ лѣта!

Въ окно изъ сумрачнаго сада
цвѣты струятъ благоуханья.
Неясный гулъ, мычанья стада
и мухъ вечернія жужжанья—
въ окно изъ сумрачнаго сада.

На стёклахъ отблескъ мутно-алый
давно погасшаго свѣтила.
Въ усадьбѣ странно. День усталый
глядитъ на то, что было, было...
На стёклахъ отблескъ мутно-алый.

И въ этотъ часъ когда обманна
вся жизнь, какъ марево пустыни,
представьте... кто-нибудь нежданно
возьметъ аккордъ на клавесинѣ...
Въ тотъ часъ, когда вся жизнь обманна.

* * *

Юная рожь не дрожитъ, не колышется.
Тѣнью недвижной объяты поля.
Въ воздухѣ ясномъ ни звука не слышится.
Спитъ, отдыхая, земля.

Спитъ, безграничнымъ молчаніемъ скованный,
въ золотѣ аломъ хрустальный шатеръ.
Спитъ, тишиною небесъ заколдованный,
мирный, лѣнивый просторъ.

Вечеръ! Ты въ душу мнѣ тихо вливаешься,
шепчешь невнятно про тайну свою,
думой, восторгомъ моимъ наполняешься,
дѣлишь тревогу мою!

У ПЛОТИНЫ

Въ часъ заката, у плотины
рядомъ съ мельницей убогой,
вспоминаю я былое.
Эти мирныя равнины,
это небо золотое —
навѣваютъ мнѣ такъ много!

Спятъ давно лѣса и нивы.
Облака надъ степью таютъ,
опалённыя зарею.
И серебряныя ивы
надъ застывшею рѣкою
слёзы тихія роняютъ.

Грустно. Сумракъ молчаливый
—другъ печали, другъ любимый—
весь исполненъ ожиданья...

Спятъ давно лѣса и нивы,
и струитъ воспоминанья
часъ заката нелюдимый.

Грустно. Словно вечеръ знаетъ,
сколько тайны въ немъ сокрыто,
словно въ тихій часъ заката,
умирая, вспоминаетъ
все, что умерло когда-то
и навѣки позабыто.

ДУБЪ.

На полянѣ лѣсной исполинъ вѣковой
одиноко спитъ,
въ муравѣ молодой на полянѣ лѣсной
древній дубъ стоитъ.

Много вёсенъ и зимъ отшумѣло надъ нимъ,
онъ и хмуръ и сѣдъ;
но стоитъ невредимъ всѣмъ дубамъ молодымъ
старый, старый дѣдъ.

Много видѣлъ онъ слёзъ и невзгодъ перенесъ
въ дни былыхъ годинъ,
но отъ вѣтра и грозъ, какъ гранитный утесъ,
онъ не палъ одинъ.

Зеленѣющій всходъ на полянѣ цвѣтетъ...
Только онъ поникъ.
Отъ весны онъ не ждетъ ни утѣхъ, ни заботъ:
глухъ и нѣмъ старикъ.

Межъ сосѣдей своихъ онъ не видитъ родныхъ.
Пусть шумитъ весна!

Онъ навѣки затихъ, сновидѣній былыхъ,
его грусть полна.

Онъ грустить о лѣсахъ, гдѣ въ зелёныхъ шатрахъ
былъ онъ—гордый царь,
о могучихъ дубахъ, да о тѣхъ соловьяхъ,
что пѣвали встарь...

На полянѣ лѣсной исполинъ вѣковой
смотритъ въ чуждый боръ.
Онъ поникъ головой, и грозы роковой
ждетъ онъ съ давнихъ поръ.

БѢЛАЯ НОЧЬ

Холодное, странное, сѣрое море
мерцаетъ, беззвучно ласкаясь къ землѣ.
Двѣ зóри алѣютъ, двѣ блѣдныя зóри
въ безсвѣтно-серебряной мглѣ.

И чудится мнѣ, что земля, засыпая
сомкнуть не могла утомленныхъ очей,
и тьма не настала ночная...
И вечеръ склонился надъ ней
съ улыбкой закатной печали,
и утро, придя изъ невѣдомой дали,
не смѣетъ зажечь золотыя струи,
любуясь вечернею грустью земли.

И чудится мнѣ—послѣ долгой разлуки
два странника блѣдныхъ надъ бездной сошлись,
и взоры ихъ, полные муки,

въ одну безначальную думу слились.
И чудится мнѣ—въ этомъ свѣтломъ молчаньи
они что-то знаютъ и слышатъ одни,
и столько тоски въ ихъ невольномъ свиданьи,
что снова не могутъ разстаться они...

ЧАЙКИ

Только небо, только море...
Вѣетъ влагой вѣтеръ свѣжій,
 еле слышны шумы волнъ.
Въ очарованномъ просторѣ,
мимо сонныхъ побережій
 по волнамъ скользитъ мой челнъ.

И въ безлюдіи великомъ
чайки носятся толпою:
 то взлетаютъ въ высоту,
то надъ моремъ рѣютъ съ крикомъ,
и закатною зарею
 золотятся на лету.

Чайки вольныя! Любуясь
вашимъ трепетнымъ полётомъ
 въ блескѣ гаснущаго дня,
тайнымъ снамъ я повинуюсь,
тайнымъ думамъ и заботамъ,
 овѣвающимъ меня!

Безпредѣльнымъ миромъ полны
ваши царства: вѣтеръ свѣжій,
дали моря, небеса.
Только тихо ропщутъ волны,
умирая у прибрежій,
да мелькаютъ паруса,

и, какъ вы не зная плѣна,
исчезаютъ безъ возврата
въ безднахъ зыбкой синевы —
тоже бѣлые какъ пѣна,
золотые въ часъ заката
и свободные какъ вы...

Нелюдимо ваше счастье!
Межъ утёсовъ одичалыхъ
родились вы и росли.
Васъ баюкало ненастье;
сосны хмурыя на скалахъ
ваши гнѣзда стерегли.

Море—вашъ отецъ могучій,
волны—сестры вамъ родныя.
Все подвластно вамъ—лазурь,
вѣтры темные и тучи.
Вы—какъ вихри грозовые.
Въ вашемъ крикѣ—эхо бурь.

Чайки вольныя! Скажите,
изъ какой угрюмой дали
вы примчались? Много-ль дней,
бѣлокрылыя, летите?
Много-ль, странствуя, видали
незнакомыхъ кораблей?

Надъ хребтами волнъ сердитыхъ
не всплываютъ ли, какъ прежде,
въ дни Норманновъ удалыхъ,
трупы викинговъ забытыхъ
въ окровавленной одеждѣ
и въ кольчугахъ золотыхъ?

Славя подвиги былые,
не кочуютъ-ли толпою
—въ дальнихъ, сѣверныхъ краяхъ—
ихъ дружины боевыя
на украшенныхъ рѣзьбою
темнопарусныхъ ладьяхъ?

И не слышится-ль порою
въ дикомъ воѣ урагана,
въ пѣснѣ мирныхъ рыбарей—
голосъ ихъ, зовущій къ бою
изъ гробницы океана
спящихъ въ немъ богатырей?

БУРЯ

Грозенъ пиръ надъ моремъ чернымъ.
Волны ропотомъ упорнымъ
заглушаютъ голоса.
Вѣтеръ гонитъ ихъ, бушуетъ;
вѣтеръ стонами чаруетъ
грозовыя небеса.

На призывы непогоды,
съ ликованьями свободы,
изо всѣхъ подводныхъ норъ,
небывалые уроды,
собирая хороводы,
выплываютъ на просторъ.

Къ нимъ красавицы морскія,
нереиды молодыя,
на свиданіе спѣшатъ.
Отуманенные влагой,
ихъ глаза горятъ отвагой,
страстью блѣдною горятъ.

По́лны нѣги—ихъ извивы;

серебристые отливы —
на зелёной чешуѣ.
Кудри пышныя цвѣтами,
перламутромъ, жемчугами
разукрасили онѣ.

Ночь звенитъ отъ кликовъ чудныхъ.
Вся въ мерцаньяхъ изумрудныхъ
вѣтромъ зыблемая мгла.
Нереиды не боятся,
въ блескахъ молній серебрятся
ихъ змѣистыя тѣла.

Грозенъ пиръ надъ моремъ чернымъ.
Волны ропотомъ упорнымъ
заглушаютъ голоса.
Нереиды не внимаютъ
и смѣются, и купаютъ
въ бѣлой пѣнѣ волоса.

SPECULUM DIANAE

Какъ блѣдный сафиръ въ изумрудной оправѣ,
блеститъ это озеро между холмами,
хранимое гордыми снами,
мечтами о прожитой славѣ.

Теперь все окрестъ и бѣдно и уныло,
тѣнями столѣтій пустыня объята.
Но было здѣсь людно когда-то,
и пышно когда-то здѣсь было.

Вдоль пастбищъ, гдѣ нынѣ сѣрѣютъ бурьяны,
сады и чертоги въ лазурь возносились;
и тамъ, на холмахъ, серебрились
священныя рощи Діаны.

Когда-то, въ тѣни заповѣдной дубравы,
на этой давно опустѣлой вершинѣ,
гдѣ камни бѣлѣются нынѣ,
былъ храмъ въ честь Юпитера-Славы.

Отсюда, какъ богъ въ челнокѣ золотистомъ,
подъ грозное пѣнье побѣдныхъ пэановъ,
подъ звоны литавръ и тимпановъ,
увѣнчанный лавромъ душистымъ,

любимецъ солдатъ, побѣдитель, диктаторъ,
въ откинутой гордо назадъ багряницѣ,
на бѣлыхъ коняхъ, въ колесницѣ,
къ народу спѣшилъ тріумфаторъ.

За нимъ шли патриціи въ яркихъ покровахъ,
сверкали на солнцѣ орлы легіоновъ,
и, молча, безъ жалобъ и стоновъ,
шли варвары слѣдомъ, въ оковахъ.

Шумѣла толпа. И его осыпали
цвѣтами, вѣнками изъ миртовъ зелёныхъ,
и дѣвы въ прозрачныхъ хитонахъ
его на порогахъ встрѣчали...

То было когда-то. Все умерло нынѣ.
Лишь ты—неизмѣнно, хранимое снами,
ты, озеро между холмами,
ты, зеркало мертвой богини.

ВЪ ГРЕНАДѢ

Я плыву одиноко въ моемъ челнокѣ,
уношусь незамѣтно по сонной рѣкѣ,
    и волна мои думы колышетъ.

Серебрится журчанье невидимыхъ струй,
Безпредѣльности нѣжной ночной поцѣлуй
    непонятной истомою дышитъ...

Сумракъ полнъ ароматомъ смолистыхъ вѣтвей
кипарисовъ прибрежныхъ, оливъ, миндалей,
    задремавшихъ въ садахъ апельсиновъ...

Вотъ послѣдніе звуки вездѣ улеглись,
и въ водѣ отраженныя звѣзды зажглись,
    какъ въ пустынѣ огни бедуиновъ...

КОРАБЛИ

I

Словно дымъ изъ кадильницы, горы вдали
вознеслись къ непорочнымъ туманамъ.
    Вдоль острова, съ юга плывутъ корабли,
    уносятся къ сѣвернымъ странамъ.

Огибая заливъ, зеленѣютъ свѣтло
береговъ блѣднолиственныхъ мысы.
    И воздухъ надъ нимъ—золотое стекло,
    и въ золотѣ спятъ кипарисы.

На вечернемъ заливѣ сверкаетъ, дрожа,
ожерелье изъ зыбкихъ алмазовъ.
    Въ саду надъ заливомъ пахуче-свѣжа
    листва засыпающихъ вязовъ.

На утёсахъ прибрежныхъ вершины видны
одиноко-развѣсистыхъ пиній.
    Цвѣты олеандровъ воздушно-нѣжны,
    какъ сказочный, розовый иней.

Все—во снѣ золотомъ. Отъ небесъ до земли
все зоветъ къ лучезарнымъ обманамъ.
    Вдоль острова, съ юга плывутъ корабли,
    уносятся къ сѣвернымъ странамъ.

II

Серебряный сумракъ пустынно-печаленъ,
    и тихо въ селеньяхъ окружныхъ,
и дымно бѣлѣются стѣны развалинъ,
    и небо въ разливахъ жемчужныхъ.

Волнистое море отъ лунныхъ узоровъ
    блеститъ какъ стальная кольчуга.
Плывутъ корабли въ безпредѣльность просторовъ,
    на сѣверъ изъ дальняго юга.

Развалины за̀мковъ на дали тумановъ
    взираютъ, вѣками объяты.
Утёсы прибрежій—ряды великановъ,
    закованныхъ въ бѣлыя латы.

И море, во мглѣ серебристыхъ сіяній,
    блеститъ какъ стальная кольчуга.
Плывутъ корабли среди лунныхъ молчаній,
    на сѣверъ изъ дальняго юга.

ВЕДЫ

За грани пространствъ и временъ,
изъ плѣновъ земного желанья,
къ блаженнымъ вершинамъ познанья
возносится духъ мудреца.

Мечта, созерцанье и сонъ —
три лѣстницы въ горніе храмы,
къ престоламъ великаго Брамы —
три двери брамина-жреца.

Для мудраго благо и зло,
отрада и мука—обманы.
Надъ безднами тихой Нирваны
все явное—дымъ волшебства.

Законъ мірозданья—Число;
безчислены формы и звенья:
едина стихія творенья,
единство—законъ Божества.

Начало всему и конецъ,
творящая вѣчно, безцѣльно,
нигдѣ и во всемъ нераздѣльно—
въ песчинкѣ, въ стеблѣ камыша

и въ пламени гордыхъ сердецъ,
въ камняхъ и въ душѣ человѣка,
слѣпая навѣки, отвѣка,
скорбитъ мiровая душа.

ПУТЬ

Все къ новымъ далямъ, къ новымъ зо̀рямъ,
забывъ о берегѣ родномъ,
въ великой тьмѣ, пустыннымъ моремъ,
впередъ, безстрашно мы плывемъ.

Все къ новымъ зо̀рямъ, къ новымъ далямъ —
плывемъ, не вѣдая о томъ,
къ какому берегу причалимъ,
въ какой отчизнѣ отдохнемъ.

Плывемъ, не зная, что̀ насъ манитъ,
какая сила гонитъ насъ,
какое счастье насъ обманетъ
когда-нибудь, въ послѣднiй разъ.

Не все-ль равно? Пусть цѣль—далёко;
для нашей скорби нѣтъ преградъ.
Мы будемъ плыть. Мы дѣти рока.
Мы не воротимся назадъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОНЕТЫ

ПРИЗНАНІЯ

ВЕЧЕРНЕЕ

